

С. Ю. Солонина

О НЕКОТОРЫХ ДИСКРЕЦИОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Статья раскрывает одну из наиболее важных проблем уголовного судопроизводства, содержанием которой является порядок досудебного прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) применительно к уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения.

Так, в частности, подробно исследована проблема дискреционных полномочий следователей (дознавателей) и судей при принятии решения о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетних в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ). При этом приведены позиции ученых-процессуалистов, Пленума Верховного суда Российской Федерации. В статье содержатся данные проведенного автором анкетирования практических работников органов предварительного расследования, позволяющие выявить причины редкого использования дискреционных оснований прекращения уголовного дела в ходе предварительного расследования.

Автором также подробно рассмотрено такое основание прекращения уголовного дела, содержащееся в исследуемых нормах, как совершения преступления впервые. Затронуты вопросы необходимости совершенствования дискреционных оснований прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый), примирение сторон, деятельное раскаяние, дискреционные основания, прекращение уголовного дела.

S. Y. Solonina

SOME GROUNDS DISCRETIONARY TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS JUVENILE

The article reveals one of the most important issues of criminal proceedings, the content of which is the pre-trial order the termination of criminal proceedings against minor suspect (accused) for criminal cases of public and private-public prosecution.

Thus, in particular, studied in detail the problem of discretionary powers of investigators (investigators) and judges when deciding on the termination of criminal proceedings against minors in connection with the reconciliation of the parties (article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and active repentance (article 28 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). In this position given scientists, Supreme Court of the Russian Federation.

The article contains the data of the author's survey of practitioners of the preliminary investigation, allowing to identify the causes of a rare use of the discretionary grounds for termination of criminal proceedings during the preliminary investigation.

Author also discussed in detail is ground for termination of criminal proceedings contained in the test standards as committing a crime for the first time. Touched on the need to improve the discretionary grounds for termination of criminal proceedings against minors.

Keywords: restorative justice, minor suspect (defendant), conciliation of the parties, active repentance, discretionary grounds, termination of criminal proceedings.

«Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» (далее — Пекинские правила) [1], рекомендуют правоприменителю по возможности прекращать уголовные дела в отношении несовершеннолетних преступников «согласно критериям, установленным для этой цели в

соответствующей правовой системе», а также согласно принципам, содержащимся в Пекинских правилах (п. 11).

Необходимо отметить, что именно с принятием Пекинских правил большинство ученых-процессуалистов связывают начало нового этапа развития правосудия в отношении несовершеннолетних, так как в этих правилах впервые на международном уровне были провозглашены цели и задачи правосудия для несовершеннолетних в каждой правовой системе, что способствовало совершенствованию производства по уголовным делам в плане защиты прав несовершеннолетних.

Несмотря на то, что Пекинские правила не имеют обязательной силы, они должны учитываться при отправлении правосудия по делам несовершеннолетних наравне с иными международными правовыми актами. На это прямо указано в Постановлении Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»: «Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах ..., являются в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы» [2].

Поэтому в Постановлениях Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19 отмечено, что при решении вопроса об уголовной ответственности, в частности несовершеннолетних, необходимо проверять, имеются ли основания для применения ст. 75—78 УК РФ [3, 4].

Следует отметить, что появление данных документов во многом свидетельствует о развитии новой тенденции в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России — смене карательного подхода к наказанию несовершеннолетних преступников на восстановительный, являющийся своего рода компромиссом.

Как отмечает С. В. Бажанов, в настоящее время у ученых-юристов преобладают идеи замены характера уголовной политики с карательного (репрессивного) на восстановительный, который в большей степени служит показателем эффективности уголовной политики государства, так как восстановление нарушенных прав жертв преступления способствует возрождению доверия населения к правоохранительным органам [5]. Я. Ю. Янина считает, что помимо процедур соперничества необходимо введение и компромиссных процедур, которые будут выступать дополнительным вариантом разрешения конфликтов в уголовном судопроизводстве. Необходимость компромиссных процедур, по ее мнению, обусловлена текущим противостоянием государства и преступности [6].

Восстановительный подход, мы считаем, должен стать основой для правосудия в отношении несовершеннолетних, так как он рассматривает последних не как объект репрессии, а как субъект ресоциализации. Предусмотренные УПК РФ основания прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УК РФ), деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) являются правовой основой для построения восстановительного правосудия в России, так как применение указанных норм УПК РФ может считаться компромиссом, который в некоторой части может заменить собой применение к несовершеннолетнему преступнику карательных санкций (конечно, при соблюдении всех условий, указанных в данных нормах).

Вместе с тем среди ученых-процессуалистов и практических работников дискуссионным остается вопрос относительно сущности рассматриваемых оснований, что порождает часто противоположные правовые позиции относительно путей решения проблем, которые проявляются при применении данных оснований на практике. Так, одним из дискуссионных вопросов остается определение того, чем же является освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 25 и 28 УПК РФ — правом или обязанностью должностного лица, ведущего производство по уголовному делу.

В диспозициях ст. 25—28 УПК РФ законодатель предусмотрел «право» должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, на

прекращение уголовного дела, которое означает, что даже если в материалах дела будут отражены необходимые условия для применения указанных статей УПК РФ, это еще не означает, что дело будет прекращено.

Нормы, предусматривающие прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием, в науке относят к дискреционным.

Однако проведенные нами анкетирование и интервьюирование практических работников, в частности следователей и дознавателей, показали, что данные дискреционные полномочия используются ими редко. Так, 150 следователей и дознавателей по ЦФО указали, что результат их работы оценивается положительно только в том случае, если они направляют уголовное дело в суд. Поэтому им приходится направлять уголовные дела в отношении несовершеннолетних в суд даже в тех случаях, когда есть реальная возможность законно прекратить это дело на стадии предварительного расследования. Если в ходе предварительного расследования поступает ходатайство о прекращении уголовного дела, в частности на основании ст. 25 или 28 УПК РФ, то в удовлетворении такого ходатайства во всех случаях отказывают. При этом отказ мотивируют в основном тем, что вопрос о прекращении дела будет рассматриваться судом и что прекращение дела — их право, а не обязанность. Кроме того, изучение уголовных дел, прекращенных на основании ст. 25 УПК РФ, показало, что в 88 уголовных делах из 91, прекращенных судом по данному основанию, у следователя или дознавателя уже в ходе предварительного расследования имелись основания прекратить уголовное дело. Однако все эти дела были направлены в суд, где впоследствии благополучно были прекращены. Результаты интервьюирования нами прокурорских работников показали, что большинство опрошенных считают, что прекращение уголовного дела в досудебном производстве является неэффективным показателем работы следственных подразделений и органов дознания, поэтому они относятся к нему отрицательно. Такое положение, к сожалению, приводит к тому, что на практике уголовные дела, где возможно прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования, в частности в отношении несовершеннолетних, не

прекращаются без предварительного согласования с руководством следственного управления или надзирающего прокурора. Кроме того, во всех случаях прекращения указанных уголовных дел в суде государственный обвинитель не имел возражений. Это подтверждает необоснованность прекращения уголовных дел на стадии предварительного расследования [7].

Возникает вопрос: почему следователи и дознаватели воздерживаются от прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ст. 25 и 28 УПК РФ, даже тогда, когда установлен весь предусмотренный законом комплекс необходимых для этого условий?

Практика работы автора в следственном подразделении показывает, что в большей степени следователи и дознаватели ориентируются не на уголовно-процессуальное законодательство и общепринятые международные акты, регламентирующие производство по уголовным делам несовершеннолетних преступников, а на ведомственные приказы Генеральной прокуратуры РФ и Главного следственного управления, негласная установка которых — направлять в суд все дела частного-публичного и публичного обвинения [8, 9].

Причину такого положения многие ученые-процессуалисты усматривают в статистической отчетности.

Так, мы соглашаемся с мнением Л. А. Воскобитовой, которая отмечает, что прекращение уголовного дела получает негативную оценку в статистических отчетах, которые каждый год направляются в Генеральную прокуратуру РФ. Прекращение уголовного дела является отрицательным показателем в работе следователей и дознавателей, поэтому основания прекращения уголовного дела, предусмотренные ст. 25 и 28 УПК РФ, фактически оказались «под негласным запретом». Кроме того, применение указанных оснований связано с усмотрением следователя (дознавателя), которое может содержать угрозу коррумпированного применения этих оснований. Поэтому, перестраховываясь от возможных обвинений в коррупции, следователи (дознаватели) не прекращают уголовные дела по указанным основаниям [10].

По нашему мнению, сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что, прекращая

уголовные дела на стадии предварительного расследования, следователи (дознаватели) тем самым пытаются улучшить показатели статистической отчетности. В такой ситуации, на наш взгляд, предоставленное законодателем право на прекращение уголовного дела по усмотрению должностного лица в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием в отношении несовершеннолетних преступников вполне может перерасти в произвол.

На это указывают многие процессуалисты и практические работники. В частности, как отмечает М. Восканян, «необходимо обратить внимание Генеральной прокуратуры РФ и Министерства внутренних дел РФ на сложившуюся и укрепившуюся порочную практику прокуроров и руководителей следственных органов, незаконно отказывающих в прекращении уголовных дел небольшой и средней тяжести за примирением сторон в стадии предварительного расследования» [11].

Исключить сложившуюся негативную практику непрекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием, думается, можно двумя путями. Первый путь — изменение формы статистической отчетности. Например, как это предлагает М. Восканян, «включить в графу о количестве расследованных и направленных в суд уголовных дел и дела, прекращенные за примирением сторон на стадии предварительного расследования (как полностью расследованные)» [11]. Второй путь — совершенствование самих дискреционных оснований прекращения уголовного дела. Последний вариант представляется более приемлемым, так как изменение лишь статистической отчетности не позволит улучшить защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, а также снизить коррупциогенную составляющую. Поэтому совершенствование рассматриваемых норм УПК РФ в большей степени соответствует решению обозначенной нами проблемы.

Вместе с тем в науке сложились противоположные мнения по вопросу, должно ли данное полномочие оставаться «правом» или быть «обязанностью».

По мнению одних авторов, выступающих за необходимость дискреционных оснований прекращения уголовного дела, должностные лица, ведущие производство по делу, могут принимать

ре-шения по своему усмотрению и должны учитывать дополнительные условия прекращения уголовных дел.

И. Б. Михайловской высказано мнение, что наличие указанных в ст. 25 УПК РФ условий не влечет за собой автоматически прекращения уголовного дела, отличая тем самым данный процессуальный институт от примирения по делам частного обвинения [12].

Л. В. Головкин считает, что примирение сторон не является достаточным условием прекращения уголовного дела. Подозреваемый (обвиняемый) должен освобождаться от уголовной ответственности только тогда, когда это не противоречит публичным интересам [13]. Свою позицию Л. В. Головкин обосновывает так: «...Именно потому, что определить степень опасности для общества деяния и совершившего его лица, а также характер нарушенных интересов (государственный, общественный, частный) можно, лишь исходя из обстоятельств конкретного дела ..., законодатель предоставил должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, право оценивать с публично-правовых позиций возможность и целесообразность прекращения уголовных дел по ст. 25 УПК РФ, не обязывая их делать это автоматически при появлении соответствующих условий» [14].

Такого же мнения придерживаются Е. В. Смахтин и А. А. Ларионова: «Правоприменитель должен убедиться, исчерпан ли существующий между сторонами конфликт, не представляет ли более какой-либо общественной опасности обвиняемый, и только тогда вправе принять решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон ..., поэтому примирение сторон в уголовном процессе при наличии к тому оснований является именно правом, но не обязанностью государственных органов» [15].

В основном авторы обосновывают свою позицию тем, что прекращение уголовного преследования по рассматриваемым основаниям без учета дополнительных обстоятельств не будет отвечать назначению указанного института уголовного закона, предполагающего освобождение от уголовной ответственности только лиц, утративших общественную опасность. Однако указанные авторы не рассматривают вопрос, каким образом правоприменитель должен убедиться в том, что лицо, совершившее

противоправное деяние, потеряло общественную опасность, и то обстоятельство, что такой подход может приводить к коррупции при решении вопроса прекратить дело или направить в суд. Кроме того, он может привести к снижению мотивации несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) идти на примирение сторон или деятельно раскаиваться, зная, что даже при выполнении всех условий ст. 25 и 28 УПК РФ дело может быть не прекращено по усмотрению должностного лица.

Ситуация осложняется тем, что ни теорией, ни практической деятельностью не выработано единого подхода к решению вопроса о том, требуются ли и, если да, то какие именно дополнительные условия для принятия решения о прекращении уголовного дела на стадии предварительного расследования.

Разрешить данную ситуацию не может и Верховный суд РФ, так как им излагаются различные правовые позиции по данному вопросу.

Так, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [16] указано, что прекращение уголовного дела за примирением сторон является правом, а не обязанностью суда ... и каких-либо дополнительных условий, помимо перечисленных в законе, для прекращения уголовного дела не требуется [17, 18].

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указано, что при применении положений ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ суду надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела. Принимая решение, необходимо оценить, соответствует ли это целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия [19]. То есть учитывать дополнительные условия помимо перечисленных в ст. 25—28 УПК РФ.

По мнению других авторов, гарантией от злоупотребления органами уголовного

преследования своим правом может стать установленный законом запрет прекращать уголовное дело по нереабилитирующим основаниям без каких-либо дополнительных условий помимо перечисленных в законе [20, 21, 22]. Обратное, по их мнению, приводит к произволу в применении этих институтов, субъективизму при решении вопроса об индивидуализации ответственности [23].

По мнению И. С. Дикарева, реализация данного предложения способствовала бы становлению единообразной практики прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон и положила бы конец дискуссиям о дискреционном характере отдельных оснований прекращения уголовных дел (уголовного преследования) [24].

Мы соглашаемся с этой позицией процессуалистов лишь отчасти.

Обоснования ученых, считающих, что необходимо заменить слово «вправе» на «обязано» лишь для того, чтобы исключить иное понимание, нежели вложенное законодателем в существующую формулировку диспозиций ст. 25—28 УПК РФ, а также привести к единообразию практику применения указанных норм, является неубедительным, так как такое положение приведет к тому, что у несовершеннолетнего, совершившего противоправное деяние, появится вполне законная возможность избежать уголовной ответственности и наказания путем соблюдения всех условий ст. 25 или 28 УПК РФ, в частности заглаживания причиненного потерпевшему вреда. На наш взгляд, в таком случае действия несовершеннолетнего, совершившего преступление, будут направлены не на осознание им своего противоправного деяния, а на то, чтобы выполнить все данные основания и избежать наказания. Такое положение не будет соответствовать, в первую очередь, целям уголовного наказания, предусмотренным ст. 43 УК РФ, а также принципу неотвратимости и справедливости наказания. Поэтому необходимо конкретизировать нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием, возможно, путем дачи соответствующих рекомендаций практическим работникам, в которых будет изложено правильное понимание значения термина «вправе», употребляемого в законе применительно к полномочиям

должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, и дачи разъяснений об условиях применения ст. 25 и 28 УПК РФ с перечислением дополнительных условий, которые необходимы для установления возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

Однако, на наш взгляд, наличие дискреционных полномочий на прекращение дела у должностного лица, ведущего предварительное расследование или судебное разбирательство по уголовным делам несовершеннолетних должно быть ограничено. По указанной категории дел, должен применяться дифференцированный подход.

Так, одним из условий прекращения уголовного дела на основании ст. 25, 28 УПК РФ является совершение преступления впервые. В уголовной и уголовно-процессуальной науке по вопросу о том, какое лицо считается совершившим преступление впервые, мнения разнятся.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» в связи с этим дается разъяснение, согласно которому если ранее в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) уголовное дело прекращалось по нереабилитирующим основаниям, то в случае совершения им повторного преступления он снова считается лицом, впервые совершившим преступление.

Данный вывод подтверждает изучение архивных уголовных дел, которое показало, что судьи, кроме лиц, которые на самом деле ранее к уголовной ответственности не привлекались и не были судимы, к лицам, совершившим преступление впервые, относят также и лиц, в отношении которых уголовные дела ранее уже прекращались по нереабилитирующим основаниям. Например, Коминтерновским районным судом г. Воронежа было прекращено за примирением сторон уголовное дело в отношении несовершеннолетнего П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, несмотря на то, что ранее в отношении П. за аналогичное преступление уголовное дело также прекращалось за примирением сторон и П. состоял на учете в

отделе ПДН ОП № 2 г. Воронежа (причиной постановки на учет являлось совершение им аналогичных преступлений до 14-летнего возраста). Прекращая уголовное дело в отношении несовершеннолетнего П., суд ссылаясь на то, что нет отягчающих обстоятельств (несмотря на то, что П. совершил повторное преступление за период менее 1 года) и что между обвиняемым П. и потерпевшим М. состоялось примирение (П. загладил М. причиненный ущерб) [25]. Такие случаи не единичны [26].

Другой пример: несовершеннолетними Ч. и В. в соучастии было совершено преступление, предусмотренное пп. а, в ч. 2 ст. 158 УК РФ. Оба обвиняемых ранее привлекались к уголовной ответственности за аналогичные преступления, но уголовное преследование в отношении обоих прекращалось по нереабилитирующим основаниям. В ходе предварительного слушания потерпевшая М. заявила ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Ч. за примирением сторон, так как Ч. возместил ей материальный ущерб. Суд вынес постановление о прекращении уголовного дела в отношении Ч. В отношении же В. был вынесен обвинительный приговор [27]. Можно ли считать в таком случае решения суда справедливыми? Думается, нет.

Получается, что суд, принимая решение, не оценивает полностью материалы уголовного дела, а лишь устанавливает факт примирения между обвиняемым и потерпевшим. Выходит, что есть вполне законный способ избежать уголовной ответственности за преступление небольшой и средней тяжести путем заглаживания вреда потерпевшему. Кроме того, на наш взгляд, прекращение уголовных дел в отношении несовершеннолетних в таком случае: во-первых, не соответствует публичным интересам; во-вторых, не способствует решению задач восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних.

В отношении несовершеннолетних правонарушителей, совершивших впервые преступление небольшой и средней тяжести (в т. ч. в отношении которых ранее уголовное дело не прекращалось по нереабилитирующим основаниям), при соблюдении условий ст. 25—28 УПК РФ и ст. 75—76 УК РФ уголовное дело должно прекращаться в обязательном порядке. Ведь часто несовершеннолетний совершает преступление в силу стечения трудных жизненных обстоятельств или под влиянием взрослых лиц.

Опыт работы автора в следственном подразделении показал, что основная масса преступлений небольшой и средней тяжести совершается подростком в целях самоутверждения среди сверстников, чтобы показать свою значимость. Как справедливо отмечено В. В. Кониным, несовершеннолетний, привлекаемый к уголовной ответственности, попадает в социально и психологически необратимую ситуацию [28], оказывающую негативное воздействие на его психику. Поэтому необходимо несовершеннолетних, которые привлекаются к уголовной ответственности впервые (не только юридически, но и фактически), оградить от такого воздействия путем установления обязанности следователя (дознавателя) и суда прекращать уголовное дело по рассматриваемым основаниям.

Совершенное таким несовершеннолетним преступление может быть единственным в его жизни, он мог совершить его под влиянием взрослых или в результате стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств, что может говорить о том, что у такого несовершеннолетнего еще не сформировалась личность преступника, и дает основания надеяться, что он в дальнейшем не будет совершать преступления.

В случае повторного совершения несовершеннолетним преступления должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, при принятии решения о прекращении уголовного дела (преследования) должны учитывать и исследовать все обстоятельства, указанные в материалах уголовного дела, поэтому в таком случае у должностного лица должно оставаться «право» на прекращение уголовного дела.

Считаем, что на основе ст. 25 и 28 УПК РФ необходимо создать отдельные нормы, применимые исключительно к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), предусматривающие специальный порядок прекращения уголовного дела, содержащий обязанность прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) при условии не только юридического, но и фактического привлечения к уголовной ответственности впервые. В случае повторного совершения несовершеннолетним преступления у должностного лица должно оставаться право на прекращение уголовного дела.

Такой подход, в первую очередь, обусловлен

необходимостью создания дополнительных гарантий защиты прав и интересов в уголовном процессе несовершеннолетних, у которых еще не сформировалась личность преступника. В отношении таких несовершеннолетних имеется реальная возможность исправления и перевоспитания без применения к ним уголовного наказания. И эту возможность необходимо использовать.

Список библиографических ссылок

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты 29.11.1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. М., 2000.
2. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 1.
3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 фев-раля 2011 г. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12082757/> (дата обращения: 30.11.13).
4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 30.11.2013).
5. Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса: дис. ... д-ра. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 134.
6. Янина Я. Ю. Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разрешения конфликтов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 14.
7. Архив Коминтерновского районного суда г. Воронежа. Уголовное дело № 11642667; архив Советского районного суда г. Воронежа. Уголовные дела № 1/443, № 1264890; и др.
8. Выступление Генпрокурора РФ на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры РФ в феврале 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://genproc.gov.ru/menagtment/appearances> (дата обращения: 13.01.2014).
9. Письмо заместителя Генпрокурора РФ А. Г. Звягинцева от 2 сентября 2003 г. № 21/2-118-03 (не опубликовано).
10. Воскобитова Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики [Электронный ресурс]. URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?art=953&id=22> (дата обращения: 10.01.14).
11. Восканян М. Примирение сторон портит статистику правоохранителей // Адвокатская газета. 2009. № 9. С. 23—29.
12. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 45.
13. Головки Л. В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Гос-во и право. 1999. № 3. С. 67.
14. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2014).
15. Смахтин Е. В., Ларионова А. А. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского университета. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2013).
16. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1789227/> (дата обращения: 17.01.2014).
17. Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 10. С. 15—16.
18. Бюллетень Верховного суда РФ. 2006. № 6. С. 24— 5.
19. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1789227/> (дата обращения: 14.01.2014).
20. Белоусов В. Реализация потерпевшим права на отказ от уголовного преследования // Уголовное право. 2007. № 4. С. 75—78.

21. Савченко А. В. Усмотрение власти в уголовном судопроизводстве // Рос. судья. 2008. № 5. С. 24—26.
22. Анисимов А. П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10. С. 43—45.
23. Багаутдинов Ф. Расширение частных начал в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2002. № 2. С. 33.
24. Дикарев И. К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовное право. М., 2007. № 1. С. 80—83.
25. Архив Коминтерновского суда г. Воронежа. Уголовное дело № 1-346-11.
26. Архивы Коминтерновского, Советского, Центрального судов г. Воронежа.
27. Уголовное дело № 1-102-12. Архив Центрального районного суда г. Воронежа.
28. Конин В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Рос. юстиция. 2010. № 7. С. 42.

© Солонина С. Ю., 2014